

ЕКАТЕРИНА АСМУС

Чужие корни

Екатерина Асмус

Чужие корни

«Издательские решения»

Асмус Е.

Чужие корни / Е. Асмус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854744-7

Муська — в прошлом перспективная актриса, ставшая в перестройку 90-х никому не нужной маргиналкой, живет с продаж найденных на помойке вещей. В фибровом чемоданчике, набитом старыми дореволюционными фотографиями, она обнаруживает разгадку трагической смерти своей матери. Ниточка расследования приводит Муську в 1916-й предреволюционный год, когда все еще было совсем иначе...

ISBN 978-5-44-854744-7

© Асмус Е.
© Издательские решения

Содержание

ЧУЖИЕ КОРНИ	6
Брусничное варенье	6
Фибровый чемоданчик	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Чужие корни

Екатерина Асмус

Иллюстратор Галина Рачко

© Екатерина Асмус, 2019

© Галина Рачко, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-4744-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

рис. Галины Рачко

С благодарностью – моей троюродной бабушке Нине, которую, к несчастью, мне знать не довелось.

ЧУЖИЕ КОРНИ

Брусничное варенье

Толпа серых с винтовками схлынула, как легкая волна. Грузовик с солдатней, набитой в кузов, вынесся из крепости. А генерал, в парадной белой форме, украшенной золотыми аксельбантами, остался лежать, словно тряпичная кукла, с вывернутой неестественно шеей, и – будто бы вылили сверху банку красного брусничного варенья – алые пятна на белом мундире растекаются, шевелят щупальцами, как медузы в море...

Нюточка на море была недавно и боялась там с медузами играть – они скользкие, похожи на тряское желе, но вовсе даже не красные, а просвечивают. Вздохнув, поковыряла пальчиком краску на большой дубовой оконной раме, покрутила латунный шпингалет. Затем опустила белую кружевную занавеску затейливого плетения. Пойти бы спросить у мамы, зачем на генерала банку варенья вылили, а – боязно, потому что приказано из детской не выходить и в окна не выглядывать. Но ведь ску-у-у-чнооо! Взрослые в последние дни говорят полупотом, и из дома – ни ногой. Потому что какая-то «леворюция». Так вроде бы. Нянечке Корине строго наказано: малышку из дома не выпускать. И вот, грусти тут, в одиночестве. Куклы хоть и нарядные, но надоели и вовсе глупые. А мебель в кукольном доме уже десять раз переставлена!

Уютную детскую свою Нюточка любила. Но уже давно в гости никто не приходит, а одной играть – не интересно. Спросить бы, когда же кончится она, эта «леворюция»! В прошлом году у малышек – кузенов Томиных – была корь. Их тоже никуда не отпускали, и к ним нельзя было. Целый месяц! Но потом зато устроили чудеснейший детский праздник к именинам старшего брата Иленьки! В большом особняке на Фонтанке, в зимнем саду, была устроена настоящая Африка! Пальмы с бананами, ананасы, апельсиновые деревья в кадках и море невиданных цветов. А как пахли! Детям разрешили самим срывать плоды с деревьев! Потом играли в прятки. А потом было представление с настоящими артистами! Нюточке они очень понравились, особенно когда девочка, примерно ее возраста исполняла танец ангела. Беленькая, хрупкая, вся в кисее и с настоящими крылышками! И впрямь – ангелочек с рождественской елки! На сладкое вынесли торт, высотой ровно с младшего Мишеньку Томина, а маменька тогда все бледнела да покашливала, а потом так посмотрела на папеньку, что тот покраснел.

Потом, дома разразилась настоящая буря. Нюточке даже подслушивать не пришлось, и так все было ясно.

«Зачем только я вышла за вас, Николая! Я погубила свою жизнь, я подписала себе смертный приговор! – бушевала маменька, – Алексис Томин, граф, красавец, так умолял меня выйти за него, так умолял! И не только он! Ах, скольким я отказала ради вас! Ваша карьера казалась такой быстрой, такой успешной! Маман меня предупреждала... Я думала, вы богаче будете Алексиса Томина!»

А папеньке и слова-то не удавалось вставить, он только и повторял: «Но Лелюшка, родная...», а потом снова: «Но Лелюшка, родная!»

«Так, вот, – Нюта раздумывала, сидя одна в детской, – вот когда кончится „леворюция“, то, может быть, папа тоже устроит детский бал, и...» Но помечтать не успелось. За дверь послышались взволнованные родительские голоса. И очень хотелось подслушать. Все знают, что это нехорошо, но уже неоднократно Нюточка убеждалась, что иначе все самое важное и интересное пропустишь. Дождавшись, когда голоса удалятся, Нюта решилась на отчаянный шаг. Тихонечко приотворив дверь в коридор, она прокралась к дверям маменькиного будуара

и затаилась в складках тяжелого бархатного занавеса с кистями и «бомбошками», украшавшего дверной проем.

– Боже! – срывающийся от слез и тихой истерики голос маменьки. – Что же теперь с нами будет? Мы же все погибнем!

– Шшш! – (это уже папенька), – тише. Леленька, родная, доверься мне, я найду выход...

– Выход! Разве вы можете найти выход!... Генерал Мертенс до дверей не успел дойти, как они набросились на него и разорвали в клочья. А потом вошли в дом и расстреляли всех, даже малышей! И вынесли из дома все ценное имущество, драгоценности, ордена пожалованные генералу за заслуги!

– Послушай, Лелюшка, – голос папеньки дрожит, – послушай, я пытался связаться с моей тетей, в Варшаве, она могла бы укрыть нас, но письма не доходят...

– Ну, хватит! – маменька уже не плачет, она сердится. – Хватит. Я знаю, что вы, Николая, не способны принимать решения! Год назад нужно было уехать, должно было догадаться...

– Анеточка! Идите молоко пить!

От неожиданности Нюта вздрагивает – это голос нянечки, ой, сейчас не поздоровится, если только быстро-быстро не добежать до столовой. На цыпочках, стараясь быть абсолютно бесшумной, Нюта мышкой шмыгает во второй коридор, и там, уже приосанившись и чуть отдышавшись, отвечает: «Я иду, Кориночка».

Фибровый чемоданчик

Муська, по прозвищу «худая», старательно копалась в мусорной куче. Старая, потрепанная алкоголичка, она получила свою кличку за исключительную худобу, присущую, зачастую, сильно пьющим людям. Ее усохшее, желтое, длинное тело казалось совсем износившимся, мятым, а лицо – будто пожеванным. Однако, несмотря на преклонный возраст и удручающе порочный образ жизни, Муська была еще крепка и вполне самостоятельна. Во всяком случае, ежедневный обход помоек она не пропускала. Ну, разве что дружки приносили водки на несколько дней, и тогда она устраивала себе запойные «выходные». Муська держала «хату». То есть: пускала постояльцев на занимаемую ею по закону жилплощадь. За еду, за выпивку, а иной раз и за некоторые иные услуги. В огромной захлавленной коммуналке, кои никогда не выведутся в Петрограде, как его не назови, около черного входа располагались ее апартаменты, общей площадью в шестнадцать квадратных метров. Поскольку имущество Муську не обременяло – давным-давно все было пропито – места собутыльникам хватало. Тут стоял в прошлом белый, а ныне невразумительного цвета пластиковый стол, покрытый стародавней газетой, четыре колченогих стула, с сидениями до того грязными, что садящийся буквально прилипал к обивке, а на полу валялись клочковатые матрасы, на которых вечно кто-то спал, завернувшись в нечто, смахивающее на бывший настенный коврик. На подоконнике громоздилась стеклотара – в ожидании сдачи в приемный пункт. В этом райском уголке, зачастую фасовали травку и кокс или делили ворованное, а то и били кого-то смертным боем, а после, тихо, ночью, выносили подальше со двора. Соседи волком выли от Муськиных гостей, несметное множество раз жалобы писали в прокуратуру, да в различные судебные инстанции. Но все впустую. Менты Муську покрывали, регулярно выпивали у нее «на халяву», да и с дружками ее проворачивали какие-то темные делишки. Ну, и потом, Муська уже много лет районное отделение обслуживала, а считалась она бабой горячей, неумной и «готовой на все», несмотря на возраст. Сидела она всегда во главе стола, как генеральша, напялив блондинистый, свалывшийся длинноволосый парик, при полной боевой раскраске, как в прошлые, героические свои времена, когда была еще молодой актрисой, да не просто начинающей, а уже блеснувшей, схватившей славы и оваций. Красовалась Муська, надев все свои пластмассовые драгоценности, любовно собранные по помойкам, парадное люрековское мини-платье «с напуском», не скрывавшее варикозных, худых и не слишком чистых ног ее, и туфли с золотыми облезлыми каблуками. Царицей возвышалась над разношерстной, замызганной компанией опустившихся маргиналов и пьянчуг. Смотрела она на сожителей своих снисходительно, попивая водку из граненого стакана, помада (всегда алая) размазывалась по подбородку, а зеленые тени собирались в углах морщинистых век. Если кто-то из мужичков ей, хоть в чем-то возражал, Муська презрением обдавала провинившегося и цедила: «Да я, тебя, целиком щас сюда запихну!» И похабным неоднозначным жестом раздвигала длинные и тощие свои ноги, под угодливый сальный хохоток остальных прихлебателей. Но вообще, баба она была добрая, никогда для дружков денег не жалела. Каковые, кстати, у нее водились. Потому как обход помоек давал Муське постоянный доход. Она выискивала в бачках разное барахлишко, а потом продавала в переходе у метро. И ведь почти новенькие вещички иногда попадались!

– О! – хвасталась она, примеряя очередную шмотку, – смотри-ка какую красоту выбрасывают «новые русские»! Если б каждый день такое находить, так уже бы я миллион заработала!

Мысль о миллионе давно терзала Муську, ни на минуту не отпуская ее. Ей все казалось, что фортуна улыбнется, подкинет шанс, а с миллионом-то хватит на пропой пожизненно, да еще и на шикарные похороны останется.

О нем же, о миллионе, думала Муська и теперь, исследуя очередную помойку. Добыча предыдущих трех дней была не ахти. Но соседка сверху, промышлявшая милостыней в пере-

ходах, дала адресок у нового кооперативного дома. С утра раненько Муська двинулась на разведку. И вправду, куча у бачков выглядела внушительно: видно мусоровозка дней десять не приезжала. Муська внимательно оглядела фронт работ. В первую очередь привлекла ее внимание старая ободранная прикроватная тумбочка. Подергала Муська ящик, глядь – а он на замке. Муська аж испариной покрылась от ожидания: замком-то ее было не удивить – первый муженек профессиональным взломом занимался. Привычно согнув выдернутую из прически шпильку, Муська недолго боролась с ящиком, пока, наконец, тот не раззявил свою деревянную пасть... Полную денежных бумажек, закончивших свое хождение лет пять назад. Смачно плюнула Муська в сердцах, да прямо на бумажки. Бабка какая-нибудь безумная, змея подкодная, видно от родственников деньги прятала, а потом гознаки поменяли и – тютю бабка твои накопления... Да еще и под замком хранила.

– Ну, народ убогий, – возмущалась Муська, продолжая копаться в окружающем тумбочку мусоре. – Ни жить красиво не умеют, ни помереть!

Вновь представила она свои похороны: в дубовом гробу, в розах, да на литераторских мостках, в толпе знаменитостей (в том, случае, если с еще не найденного миллиона останется достаточно). И с удвоенной силой начала рыться в куче тряпья, старательно проверяя каждый карман выброшенных юбок, брюк и пиджаков. Шмотки, кстати, попадались хорошие – хоть сразу на продажу, видно, и впрямь в дом «новые русские» заселились, не обманула соседка-попрошайка. Муська заглядывалась кругом, в поисках тары для выноса добычи. Наконец, на глаза попало нужное: из переполненного бачка торчал довоенный фибровый чемоданчик, изрядно помятый, но задорно поблескивающий никелированными уголками и защелками. Хищно оглянувшись, Муська бросилась к добыче. Не раз слыхала она от товарок, что вот в таких-то невзрачных чемоданишках находились жемчуга и бриллианты, спрятанные за обшивкой чокнутыми одинокими старикашками. Быстренько собрав шмотье в первый подвернувшийся, почти не рваный полиэтиленовый пакет, она прихватила чемоданчик и направилась в сторону дома, чтобы в спокойной обстановке хорошенько рассмотреть находки.

В родной халупе Муську поджидала тепленькая уже компания: лучшие и ближайшие дружки – Мент, Дикий и Семенов.

Мент – Муськин сосед по подъезду – пожилой, обрюзгший мужик, лысый и неряшливый, и впрямь являлся бывшим ментом. Служил он в органах еще при Оське Рябом, о ком отзывался всегда с благоговением, будто о святом угоднике. Одевался Мент обычно в стародавние синие треники, драные войлочные тапки и непременно в форменную гимнастерку, изрядно засаленную и потертую. Фуражка Мента всегда находилась при нем, и, ежели не была нахлобучена на лысину, то лежала рядом, посверкивая тщательно начищенной кокардой.

Высокий и тощий Семенов – нынешний Муськин хахаль – выражение лица имел нагло-угодливое, а змеиная улыбочка, пробегающая по тонким губам, и стальные щелки глаз делали физиономию этого профессионального тунеядца особенно неприятной. Последним штрихом являлась мини-швабра плохо стриженных грязно-серых усов, торчащих из-под длинного хрящеватого носа.

Дикий же, недавно откинувшийся уголовник, целиком и полностью являлся портретом к собственной кличке. Черные бешеные глаза сверкали из-под спутанной копны таких же черных волос, под бледной, в синеву, кожей щек гуляли желваки. Дикая сила и дерзость улавливались во всем его поджаром теле.

Троица мирно играла в картишки, попивая теплую водку. Закуска, состоявшая из вяленой воблы и черствого хлеба, аккуратно расположилась на свежей газетке. Довершал натюрморт облупленный эмалированный чайник, из носика коего игроки по очереди прихлебывали воду. Муська со свежепринесенным барахлом водворилась на своем законном месте – во главе стола. Пропустив стаканчик с дороги, она вновь принялась перебирать и разглядывать хабар. Производя тщательную ревизию каждого предмета, Муська раскладывала добычу по кучкам,

систематизируя. Фибровый же довоенный чемоданчик с никелированными углами, до поры до времени упокоился под столом.

Наработавшись, Муська налила себе водки и скомандовала: «Нук, Семка, включай музыку, да повеселее! Сейчас показ моделей сделаю вам!»

Семенов подскочил марионеткой и стал яростно выкручивать ручку дряхлого радиоприбора. Наконец, воюющие звуки популярной мелодии полились из динамика, и Муська, зафлапировала по комнате, демонстрируя наряды, словно заправская манекенщица.

– Ух, красота какая! – подыгрывал Семенов своей полюбовнице. – А тебе идет! «Путана, путана, путана, пятнадцать долларов, ну кто же виноваат...» В таком зачетном прикиде, запросто миллион заработаешь!

На что Муська кокетливо отвечала: «Поговоришь щас! Я тебя проглочу и не подавлюсь. Только язык твой поганый выплюну и вон Менту на закуску дам».

На эту реплику Мент мечтательно закатил глаза под остатки бровей.

– Да уж, покروшили мы язычков, в свое время, есть что вспомнить. Эх, времена были... А Отца все одно не уберегли. Контра, проклятая, отравила. А уж, сколько мы их на вечную мерзлоту перевели... Осиротили страну, сволота...

Заканчивая тираду Мент начал звереть и шумно дышать ноздрями, но тут к беседе подключился Дикий. Он развернулся к Менту и прорычал с демонстративным уголовным пафосом: «Ладно, волк позорный, брехать-то. Если б вы только контру, так вы честный русский народ по тюрьгам да зонам гноите. Братва на лесосеке гниет, а ты тут жируешь!

Его выпренную речь прервало гадкое ехидное хихиканье. Дикий обернулся и увидел змеиную улыбочку Семенова.

– Это кто тут героический русский народ? Ты штоль, Дикий? Последняя твоя героическая ходка за что была? Бомбанул ты сейф, говорят, жирный. А денег-то так и не нашли вроде? Вот ты откинулся и чо? Где денежки-то Дикий?

– Ты, падла, откуда знаешь?

Рука Дикого уже потянулась за хлебным ножом, но тут встрял Мент.

– Тихо, тихо, мужики. Щас, все соседи сбегутся бабки ваши искать. Вши поднарные. И потом – других дел навалом. Абдулла вчера заходил. Порошок есть, нужно канал наладить.

Мент внезапно весьма проворно вскочил и, схватив со стула Муську, начал вальсировать с ней, напевая: «И заработаем мы миллион, и коньяк с шампанским будем пить!»

– Хрен тебе с шампанским, гражданин начальник! – хохотала Муська. – Да что ты видел-то в жизни, кроме коммуналки с тараканами! А я в таких ресторанах отдыхала, с такими мужиками!

Муська, оттолкнув Мента, потянулась за бутылкой.

– Эх, где мои шестнадцать лет! Красавица была... Розы – корзинами носили!

Семенов, чокнувшись с Муськой, и закинув водку в горло, съехидничал: «Розы корзинами! Вся страна, значит, голодала, а у тебя розы корзинами! Буржуйка ты, оказывается, Муська». После чего подсел поближе к подруге и начал щекотать ее морщинистую шею своими усами, похожими на мышшь, торчащую под носом. От приятного занятия его отвлек существенный тычок в спину, произведенный Ментом. Семенов обиженно дернулся.

– Ты, чо, совсем?

– Нет, это ты совсем, клоп сутулый, ну-ка брысь под лавку и хайло прикрой. При Отце, когда это страна голодала? Позоришь Родину, сволочь! Память отшибло? Да, бывало трудно! Но мы были вместе! Всю страну Отец из руин поднял, ни днем, ни ночью покоя не знал! Так жить стали, что мировой капитализм зубы в порошок стер от зависти. А сейчас – подняла гидра империалисская снова голову, но погоди!

Муська, которой были до лампочки политические пристрастия Мента, да и всего остального человеческого поголовья обширной Родины, пнула его ногой.

– Политику не хаваем, гражданин начальник! Эх, быдло ты, деревенское! Ты хоть раз в театре-то был? Да, что я тебе объясняю... Разве можешь ты понять, дворняжка подзаборная. Да ты со мной, породистой овчаркой за столом и сидеть-то не должен. Тридцать лет назад, я, таких как вы и ботинки свои чистить не допустила бы! Я тогда впервые Офелию сыграла... Как меня хвалили, как хлопали! Носили на руках! Розы... Корзины... Шампанское...

Муська пригорюнилась над своими воспоминаниями, казалось: вот-вот пьяная слеза потечет, размывая комки туши на ресницах. Мент тоже притих – пригрезилось бывшее величие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.